

§5 МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Безвиконная Е. В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Процесс самоорганизации местного сообщества направлен на реализацию форм политической активности в условиях развитой муниципальной гражданской политической культуры. Выступая ключевым субъектом местного самоуправления, местное сообщество выражает общественные и муниципальные интересы и потребности, транслируя их посредством формальных и неформальных коммуникативных каналов на органы публичной власти, общественные организации и бизнес-сообщество. Только при условии кардинальной переоценки сложившейся системы нового публичного менеджмента и ее замены принципами сетевого и синергийного политического управления, возможно, преодолеть внутреннюю раздробленность местного сообщества, обеспечить создание целостной муниципальной политической культуры, основанной на общности мировоззренческих стереотипов и идентичностей.

Ключевые слова: Политология, местное сообщество, политическая культура, самоорганизация, самоуправление, синергийно-коммуникативная модель, гражданская культура, политическая активность, политическое участие, гражданское общество.

Review. The process of the self-organisation of a local community is aimed at the implementation of forms of political activism under the conditions of well-developed civil political culture. Being the key subject of local government, the local community expresses public and municipal interests and demands, transmitting them to the authorities, public organisations and business-community via formal and informal channels of communication. Only drastic reevaluation of the existing system of the new public management and replacing it with the principles of network and synergistic management will make it possible to overcome the internal disunity of the local community and provide the creation of an integral municipal political culture, based on common worldview stereotypes and identities.

Keywords: political science, local community, political culture, self-organisation, self-administration, synergistic communication model, civic culture, political activism, political participation, civil society.

Местное сообщество как системообразующий элемент синергично-коммуникативной модели самоуправления представляет собой сложноорганизованную открытую систему, включающую разнообразные структурно взаимосвязанные элементы, находящиеся в постоянных взаимодействиях с внешней средой. Поэтому процесс самоорганизации местного сообщества реализуется в двух аспектах: внешнем и внутреннем. Внешний аспект — это многообразие проявлений его социальной активности, направленное на решение местных проблем, участие в политическом процессе на местном уровне власти. Внутренний аспект — это воспроизводство жителей определенной территории в виде социальной и социально-психологической общности. На уровне местного самоуправления сложившаяся социальная общность приобретает особое значение, поскольку именно на локальном уровне граждане не только участвуют в управлении через различные формы народовластия, но и самостоятельно налаживают свою жизнь, осуществляют функции саморегулирования и самоуправления в границах имеющихся ресурсов. На этой основе обеспечивается формирование и функционирование такого специфического политико-правового института как гражданское общество. Интересно, что первоначально сам термин «гражданское общество» (или «сообщество»), возникнув в эпоху классической древности, использовался для характеристики особого качества или стиля совместной жизни членов небольших общин, включая города-государства¹.

Процесс внутренней самоорганизации местного сообщества становится возможным только при условии наличия у граждан его составляющих общих правил и стереотипов поведения, определенных ценностей и установок, определяющих их действия, как во внешней, так и во внутренней среде. Социальная общность становится таковой лишь при единстве социокультурных установок и представлений, реализуемых в поведенческих ситуациях всеми членами сообщества. Ключевым инструментом

обеспечения целостности местного сообщества становится политический процесс, вовлечение в который создает необходимые условия для консолидации граждан, общественных групп, объединений на конкретной территории муниципального образования. Данный феномен укладывается в содержание понятия «политическая культура».

Политическая культура представляет собой субъективный компонент политической системы, обеспечивая целостность и всеобщность политического процесса на различных уровнях публичной власти. В политологических исследованиях не сложилось единого подхода к оценке содержания и структуры данного феномена. По точному замечанию Д. Патрика «...политическая культура не является простой совокупностью ценностей, установок, ориентаций, а выступает способом политического действия в рамках политической системы»², что обуславливает разнообразие подходов к ее толкованию и оценке. На наш взгляд представляют особый интерес несколько подходов к определению содержания понятия «политическая культура».

С позиций психологического направления политической мысли политическая культура представляет собой систему ценностных ориентаций по отношению к политическим объектам. Г. Алмонд и С. Верба отмечают, что «...термин «политическая культура» подразумевает специфические политические установки в отношении политической системы и ее различных частей и установки по отношению к собственной роли в системе»³. При этом, установки (*attitudes*) предполагают не просто отношение к политической системе или политическому процессу, а несут общественно значимый характер, обеспечивают его динамику⁴. Г. Алмонд и Дж. Пауэлл

¹ Вебер М. Город / Вебер М. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994. — С. 340–341.

² Patrick G. Political culture / Social science concepts: a systematic analysis / Ed. G. Sartori. N.Y.: Beverly Hills, 1984. — P. 29.

³ Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five countries. Princeton, 1963. — P. 13.

⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М.: Аспект-Пресс, 2002. — С. 119.

оценивают политические установки (оценки) в плоскости трех измерений: по отношению к политической системе, к политическому процессу и результатам реализации политического курса. Данный подход к содержанию политической культуры получил продолжение в современных зарубежных и российских политологических исследованиях¹.

Несмотря на «универсальный» характер психологического подхода к трактовке содержания политической культуры в рамках классической политологии сформировался «эвристический подход» к ее осмыслению (Л. Пай). Принимая во внимание абстрактность и всеобщность феномена политической культуры, Л. Пай исходит из признания его искусственной природы, конструкции, созданной для решения прикладных исследовательских (аналитических) целей: «Политическая культура — это совокупность ориентаций, убеждений, чувств, которая наделяет смыслом политический процесс и представляет собой основополагающие допущения и нормы, управляющие поведением в политической системе. Она является обобщенным выражением психологического и субъективного измерения политики, которое дает человеку руководящие принципы политического поведения, а коллективу систематическую структуру ценностей и рациональных доводов, обеспечивая единство и взаимосвязанное функционирование институтов и организаций»². Таким образом, политическая культура оказывается гипотетической конструкцией, сформированной политической властью для решения собственных целей и задач, в первую очередь, легитимации политических решений.

Несомненно, политическая культура предполагает не только наличие определенных ценностных ориентаций и установок, направленных на политическую систему, политический процесс, но и конкретные образцы политической активности (поведения), а так-

же их корреляцию с мировоззренческими установками общества. В этой связи мы предлагаем остановиться на определении политической культуры Н. И. Ефимовой: «Политическую культуру можно определить как систему сложившихся в обществе *моделей политического поведения*, а также сложившихся в общественном сознании *представлений о политике* и способов объяснения явлений и процессов политической жизни (курсив мой — Е.Б.)»³. Выступая в качестве системы установок, реализуемых в определенных поведенческих актах, политическая культура становится воплощением общественно-политического опыта, знаний, приобретенных в практической деятельности; а также способностей их использования в процессе принятия политических решений. Оценочная, эмоциональная и познавательная ориентации составляют содержание политических установок общества, которые реализуются в конкретных политических действиях, направленных на обеспечение достижения определенных целей.

В зависимости от объекта политических ориентаций граждан, возможно, выделить три измерения политической культуры⁴:

- установки относительно институтов публичной власти: удовлетворенность (неудовлетворенность) политическими решениями, оценка политического режима;
- установки относительно иных социальных (политических) институтов: общественное объединение, политическая партия, территория, государство и т.д.;
- ориентации относительно собственной политической деятельности: политическая компетентность, убежденность в возможности оказывать влияние на политические решения посредством гражданской активности.

Основным коррелятором (показателем) уровня развития политической культуры становится электоральная активность населения в период проведения избирательных

¹ См. например: Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология: Учебник. М.: Юрист, 2002. — С. 280.

² Pye L. Political culture / International encyclopedia of social sciences. N.Y. 1961. vol. 12. — P. 218.

³ Ефимова Н. М. Политическая культура: Учебное пособие / Н. М. Ефимова. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. — С. 7.

⁴ В качестве основы типологии был взят подход В. Розенбаума: Rosenbaum W. A. Political culture: Basic concepts in political science. N.Y., 1975.

кампаний. Вводится особое понятие «электоральная культура», которая наряду с политическими традициями и политическим мировоззрением становится частью феномена политической культуры. Показательна в этом отношении деятельность независимого научно-исследовательского Центра исследования политической культуры России, регулярно проводящего мониторинг результатов федеральных, региональных и местных выборов, разрабатывающего рекомендации по совершенствованию избирательных технологий¹. Обращает на себя внимание стремление ограничить политическую культуру исключительно оценкой электоральной активности граждан, что представляется недопустимым в условиях преобладания формального характера данной формы политического участия, не несущей в себе самоорганизационного потенциала населения, и являющейся ответом на политический вызов публичной власти. В этих условиях, разнообразные просветительские, творческие мероприятия, направленные на активизацию участия граждан в избирательном процессе, проводимые избирательными комиссиями, органами публичной власти в различных субъектах Российской Федерации, представляют собой лишь ограниченный механизм воздействия на политическую культуру российского общества².

Данный вывод подтверждается и результатами опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в 2006 г.³ Отличительным свойством российской политической культуры большинство опрошенных (67%) назвали «национальную самобытность». Среди характерных особенностей российской политической культуры были выделены: пассивность, равнодушие, нежелание участвовать в политической жизни (68%); неумение и нежелание соблюдать законы (56%); всеобщее неверие в идеалы и принципы (52%). Преоблада-

ющими проявлениями культуры российского общества были признаны: уважение к государственным символам (54%), открытость к опыту других народов (53%) и коллективизм (51%). К одной из наиболее благоприятных тенденций развития политической культуры 46% относит динамику умения и желания граждан бороться за свои права и отстаивать собственные интересы. Результаты позволяют констатировать «государственнический» характер российской политической культуры, при преобладании подданнической культуры, но наличии элементов активистской. Несмотря на переходный характер общественно-политических воззрений российского общества, отсутствие их структурной целостности, наблюдается приоритет консенсусных (неантагонистических) установок, и кооперативных (умеренных) тенденций⁴.

Для качественного осмысления политической культуры местного сообщества представляется необходимым рассмотреть ее основную разновидность — гражданскую политическую культуру, как результат смешения патриархальной, подданнической и активистской типов политической культуры. Теоретики концепции гражданской культуры Г. А. Алмонд и С. Верба исходят из ее оценки в качестве необходимой основы для развития демократической государственности, основанной на ценностях гражданского общества и правового государства: «Гражданская культура — это смешанная политическая культура. В ее рамках граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль подданных... Гражданин, существующий в рамках гражданской культуры, располагает, таким образом, резервом влияния»⁵. Наличие потенциально активной гражданской позиции у каждого члена общества становится результатом воздействия различных каналов социализации: семьи, рабочего места, общественных ассоциаций. Таким образом, гражданская культура

¹ www.politcenter.ru

² В качестве наглядного примера можно привести молодежный конкурс «Мы выбираем, нас выбирают», прошедший в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в феврале 2011 г. (<http://ugrainform.ru/news/society/772/>).

³ www.fom.ru

⁴ Зевина О. Г., Макаренко Б. И. Об особенностях политической культуры современной России // <http://www.politportal.ru>

⁵ Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. — 1992. — № 4. — С. 122, 125.

предполагает наличие развитых коммуникативных связей ключевых субъектов политического процесса, обусловленных не внешними «вызовами» политической элиты, властных институтов, а внутренними потребностями и интересами общества. Подобное осмысление содержания гражданской культуры укладывается в современное понимание гражданского общества.

С позиции теории политической коммуникации гражданское общество становится сферой взаимного пересечения интересов государства, экономической сферы и общества. Л. Джин, Э. А. Коэн так определяют его содержание: «Под «гражданским обществом» мы понимаем сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семью), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичных коммуникаций. Современное гражданское общество создается с помощью определенных форм самоконституирования и самомобилизации»¹. Преобладание горизонтальных, невластных коммуникаций обеспечивает жизнедеятельность ключевых общественно-политических институтов, отличающихся самоорганизационным характером, независимых от государства и призванных обеспечить условия для свободы и самореализации каждой отдельной личности и общества в целом.

Сложноорганизованный характер структуры гражданского общества, включающей различные по своей природе и содержанию институты (союзы предпринимателей, профсоюзы, политические партии, негосударственные СМИ, негосударственные образовательные учреждения, ассоциации, политические клубы, общественные организации, движения и т.д.), создает необходимые условия для формирования заинтересованного, сознательного гражданина, в меру активного, но соблюдающего лояльность по отношению к действиям органов публичной власти. Для более

точного понимания значения гражданской культуры в развитом гражданском обществе мы воспользуемся классификацией Ф. Хьюкса и Ф. Хикспурса, которые предложили использовать более конкретное понятие — «гражданская партисипаторная культура»². Данный тип культуры относится к разряду активных культур, и отличается высоким интересом граждан к политическим процессам, политическим доверием к решениям носителей публичной власти и готовностью принимать участие в политических акциях.

Поскольку гражданское общество предполагает наличие социальных институтов, независимых от государства и способных воздействовать на него, свободных автономных индивидов, осознающих и реализующих свои гражданские права и обязанности, объединенных гражданской партисипаторной культурой, социальной солидарностью и чувством социальной ответственности³, постольку возникает необходимость формирования пространства «общего интереса» государства и гражданского общества. В процессе расширения сферы гражданского общества, углубления его социальной и политической дифференциации создаются необходимые условия для превращения местного самоуправления в посредника, способного эффективно разрешать противоречия между публичными институтами и местным сообществом. По справедливому выражению А. И. Савельева, «местное самоуправление задает политическое поле, на котором «встречаются» государство и гражданское общество, которое становится пространством их общего интереса»⁴. При этом, муниципальное политическое пространство становится сферой преломления различных мировоззренческих, гражданских, социальных и политических

¹ Джин Л., Коэн Э. А. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. / Общ. ред. И. И. Мюрберг. — М.: Изд-во «Весь мир», 2003. — С. 7.

² Heunks F., Hikspoors F. Political culture 1960–1990 / Values in Western societies / Ed. De Moor R. Tiburg, 1995. — P. 128.

³ Рябев В. В. Гражданское общество и политическая культура современной России (политико-социологический анализ): Автореф. д.социол.н. СПб., 2005. — С. 22.

⁴ Савельев А. И. Местное самоуправление как субъект политического пространства // Регионология. — 2009 — № 2. // <http://regoinsar.ru>

представлений и ценностей, т.е. обладает самостоятельной политической культурой.

Прежде чем дать определение понятию «муниципальная политическая культура» необходимо обратить внимание на весьма настораживающую тенденцию в изучении муниципальной культуры. Термин «политическая культура» зачастую искусственно подменяется понятиями «корпоративная» или «организационная культура». Реализация принципов нового публичного менеджмента, их универсализация способствовала появлению неоправданных попыток распространить данные понятия на систему взаимоотношений внутри местного сообщества. Так, по мнению В. А. Борисова муниципальная корпоративная культура включает в себя совокупность ценностных установок, практик, стилей поведения членов местного сообщества¹. Аналогичной позиции придерживается и В. Н. Иванов, используя термин «корпоративная культура местной жизни»². Мы полагаем необходимым разграничить данные понятия, поскольку корпорация как системное явление является разновидностью коммерческой организации с соответствующими отличительными признаками. Напротив, местное сообщество может быть отнесено к определенной социальной общности, поскольку ее отличительными признаками выступают: ограниченность территорией муниципального образования (замкнутость), наличие организационных процессов наряду с организационными (управленческими), добровольный характер сообщества, наличие социально-экономических и политических ресурсов. Поэтому в границах нашего исследования мы предлагаем руководствоваться термином «муниципальная политическая культура», под которым подразумевается *ценностно-нормативная система, комплекс установок, символов, идей, поведенческих стереотипов, которые*

формируют мотивацию политического и общественного поведения местного сообщества, и обеспечивают целостность общественного сознания в политической сфере (курсив мой — Е.Б.). Муниципальная политическая культура становится носителем базовых представлений, ценностей и норм, разделяемых членами местного сообщества и реализуемых в процессе совместной деятельности и политической коммуникации. Ключевыми параметрами порядка политической культуры местного сообщества выступают:

1) уровень интеграции местного сообщества (наличие чувства гордости от принадлежности к сообществу, представления о его границах)³;

2) уровень участия членов сообщества в реализации муниципального интереса, совместных программ и проектов;

3) уровень сохранения стандартов демократии-участия в деятельности органов местного самоуправления (открытость процедуры принятия решений на местном уровне власти, разделение ответственности между органами местного самоуправления и др.).

По оценке ведущих российских экспертов Института современного развития современное местное сообщество представляет собой сложившуюся идентичность, отвечающую определенным признакам:

функциональная идентичность — осознание принадлежности к местному сообществу, самоуправлению как сегменту публично-государственного механизма;

альянс для взаимного спасения, т.е. осознание общности проблем и необходимости их решения;

альянс на основе взаимно признаваемых ценностей, чувство ответственности перед сообществом⁴.

На современном этапе развития российской государственности процесс формирова-

¹ Борисов В.А. Муниципальная корпоративная культура / Связи с общественностью в муниципальной политике: Сб. ст. / под ред. В. Е. Гончарова // <http://dvo.sut.ru/libr/soirl/I204gonc/index.htm>

² Муниципальная наука: теория, методология, практика / под общ. ред. В. Н. Иванова. — М.: Муниципальный мир», 2003.

³ Подр. см.: McLeod J., Daily K. Community integration, local media use, and democratic processes // *Communication research*. — 1996. — Vol. 23. — Issue 2. — P. 179–210.

⁴ Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // <http://www.insorussia.ru>

ния муниципальной политической культуры сталкивается с объективными трудностями. Поскольку система местного самоуправления создавалась «сверху» посредством использования административного ресурса, то взаимосвязь между юридически оформившимися муниципальными образованиями и местными сообществами утратила самоочевидный характер. Политическая культура достаточно слабо проникает в сознание российского общества, несмотря на наличие глубоких исторических корней в общественном сознании¹. Сохранение традиционных ментальных характеристик советского периода (пассивность при принятии решений, подозрительность в отношении властных институтов), признание ограниченности возможностей муниципальной власти и отсутствие системы гражданской солидарности становятся определяющими чертами современной муниципальной политической культуры.

Политическая культура выступает формой существования местного сообщества и проявления его поведения во внутренней среде и по отношению к аспектам внешней среды. Она рассматривается, с одной стороны, как фактор, который может быть использован для достижения эффективности муниципального образования, укрепления его целостности, улучшения механизмов социализации граждан в местное политическое пространство, повышения их политической активности и мотивации; с другой стороны, формирование политической культуры оценивается как итог внутренних самоорганизационных и самоуправляемых процессов, протекающих на территории муниципального образования.

Реализация синергично-коммуникативной модели самоуправления предусматривает активное участие каждого члена местного сообщества в системе принятия общественно значимых решений. Мнение большинства граждан будет служить основанием для принятия общественно значимого решения и, следовательно, общественное мнение будет учитываться не только при решении вопросов стра-

тегического развития территории, но и в оперативном управлении. Процесс формирования целостной муниципальной политической культуры предполагает реализацию принципов партисипативной демократии, вовлечение граждан в политический процесс, повышение уровня их политической культуры и сознания через механизмы социальной активности населения локальной территории. В более узком смысле речь идет о политической активности, затрагивающей интересы политических акторов, и имеющей непосредственное отношение к публично-властному регулированию. Основными факторами, обуславливающими политическую активность местного сообщества, становятся: наличие необходимых социальных, социокультурных, информационных, организационных и иных ресурсов; уровень реальной и осознанной социальной защищенности интересов сообщества; наличие развитого (зрелого) общественного мнения и др. Именно эта позиция становится ведущей в выводах экспертов Института современного развития: «Важнейшим фактором развития местного самоуправления становится максимальное включение в процесс управления территорией непосредственно населения муниципального образования. Сравнительный анализ показывает довольно четкую корреляцию между процентом активных жителей и ресурсными возможностями местной власти на той или иной территории»².

Самосохранение местного сообщества как самостоятельного субъекта политического процесса непосредственно зависит от проявлений его социальной активности в решении местных проблем. Теоретически возможны три способа проявления активности: а) реальное (фактическое) участие; б) потенциальное участие (желание принимать участие); в) пассивное участие (неучастие). Многообразие форм участия населения в решении местных проблем, возможно, свести к семи группам: 1) участие через профессиональную деятельность (в силу занятия соот-

¹ Коутер Д. Культурные различия и управление // Проблемы теории и практики управления. — 1997. — № 3.

² Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // <http://www.insor-russia.ru>

ветствующей должности); 2) участие через общественно-политические организации; 3) непосредственная публичная деятельность; 4) непосредственное воздействие на лиц, принимающих решения (например, через процедуру отзыва выборного должностного лица); 5) обращение к лицам, принимающим решения (правотворческая инициатива); 6) непосредственное воздействие на социальное окружение (гражданская инициатива); 7) участие в благотворительности; 8) забота о собственной семье¹. Ресурсообеспеченность и социальная защищенность как факторы самосохранения местного сообщества выступают как следствием его социальной активности, так и его предпосылкой. Только посредством механизма социальной активности местное сообщество приобретает способность реализовывать собственный самоорганизационный потенциал и использовать весь спектр коммуникативных возможностей.

Социальная активность представителей местного сообщества приобретает институциональное выражение в рамках политического процесса. Политическая активность (*political activity*) как показатель интенсивности участия субъекта в политическом процессе, выступает одновременно и в качестве механизма политической деятельности (*political action*)². Поскольку формы проявления политической активности могут быть разнообразными: от элементов абсентеизма до насильственных форм сопротивления существующей политической власти, а интенсивность данных форм может также различаться, постольку наиболее корректным будет использование понятия «политическое участие» (*political participation*). Политическое участие предполагает регулярное инструментальное применение акторами разнообразных форм политической деятельности, с целью оказания влияния на процесс принятия политических решений.

¹ Лазарев В. Н. Социальная самоорганизация в условиях местного самоуправления. Белгород: Центр социальных технологий, 1996. — С. 16.

² Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Издательский дом «Инфра-М», 2001. — С. 153–155.

Концептуальное оформление механизма политического участия получил в концепции коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Основываясь на феноменологических воззрениях Франкфуртской школы, Хабермас оценивал противоречия социальных отношений и разрабатывал социокультурные смыслы развития общества³. Разрешение социальных противоречий связывалось с «коммуникативным разумом», или «коммуникативной рациональностью» («коммуникативным действием»). По мнению Хабермаса, если общественное движение рассматривать как процесс развития просвещения и разума («*ratio*»), то совершенно очевидно, что нынешнее направление ведет к расширению влияния управленческих механизмов и манипуляции общественным сознанием, социальными действиями людей⁴. Любое социальное действие должно носить коммуникативный характер: коммуницирующие субъекты совместно вырабатывают интерсубъективные смыслы (цели, ценностные ориентиры и др.), координируют свои действия в соответствии с достигнутыми соглашениями, способствуя развитию процессов социальной интеграции и солидаризации на новой основе. Только при соблюдении этих условий действие является «коммуникативной рациональностью» и «коммуникативным действием».

Коммуникативная природа социального действия обусловлена позицией субъектов-участников коммуникативных процессов, которые совместно вырабатывают интерсубъективные (от лат. «*inter*» — между) смыслы — цели, установки, ценностные ориентиры и др. Субъекты координируют свои действия в соответствии с достигнутыми соглашениями и способствуют процессам социальной интеграции. Таким образом, по мнению Ю. Хабермаса, именно производительные и коммуникативные действия помогают выявить

³ Подр. о философских воззрениях Ю. Хабермаса и Франкфуртской школы см.: Давыдов Ю. Н. Эволюция социальной философии Франкфуртской школы // Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978.

⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. — С. 199–200.

социо культурный потенциал современного общества и возможности его модернизации.

При этом коммуникации в обществе приобретают характер целостного процесса: «... коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость»¹. В результате, процессы коммуникации превращаются в диалог ключевых субъектов, основанный на их соучастии и совместной деятельности. Участвуя в коммуникативном процессе, индивид удовлетворяет и свою насущную потребность в общении, в передаче своих взглядов, ценностных представлений, проявлении чувственных впечатлений, которые иным способом не проявляются и не передаются. Эти формы предполагают определенное коммуникативное поведение, культуру общения, диалога и этику коммуникации, которые способствуют созданию ситуации по нимания, когда оно является не частной принадлежностью отдельного субъекта, а той атмосферой, которая и обеспечивает успех коммуникации.

Основным средством осуществления коммуникативного действия, по мнению Ю. Хабермаса является «формально-прагматический дискурс» — модель аргументации, с помощью которой анализируются (или тематизируются) противоречивые, спорные утверждения и устанавливаются нормы социальной жизни и социального действия. В таком контексте дискурс рассматривается как целостная, социально обусловленная единица коммуникации, действие которой обусловлено множеством различных факторов, в том числе политических: «...если нуждающийся в обосновании образ действия имеет коллективную природу, то члены такого коллектива должны прийти к общему решению. Они должны постараться убедить друг друга в том, что в интересах каждого из них, чтобы все поступали таким образом. В таком процессе один будет приводить другому основания в поддержку того, почему он хочет, чтобы

какой-либо образ стал обязующим в социальном плане. Каждый, кого это касается, должен иметь возможность убедиться в том, что предложенная норма в данных обстоятельствах «одинаково хороша» для всех. И именно такой процесс мы называем практическим дискурсом»².

Теория коммуникативного действия обосновала внутреннюю потребность человеческого общества к коммуникативному взаимодействию, опосредованному дискурсивными установками и убеждениями. Индивидуально-общественная природа коммуникативного действия предопределила, с одной стороны, социально-активную позицию субъектов, с другой, необходимость согласования собственных интересов с общественными для выработки компромиссного формально-прагматического дискурса. Проявления социальной активности, основанные на интерсубъективных смыслах, порождают коммуникативную рациональность, и становятся необходимым свойством общественного развития.

В политических исследованиях концепция коммуникативного действия Хабермаса получила развитие в нескольких теориях политического участия: «средовая» (baseline) (С. Верба, Н. Ни), ценностная (Р. Инглхарт), социально-психологическая (А. Маслоу, Д. Маклелланд) и др. Следует отдельно остановиться на теории рационального выбора, получившей большое распространение в качестве методологического подхода к изучению политических процессов с конца 80-х годов XX в. Согласно представителям данной теории, политическое участие акторов определяется соотношением выгод и затрат, которые они получают за счет участия в политическом процессе (инструментализм): «... для большинства людей политическое участие является лишь средством достижения других целей»³. Г. Алмонд полагал, что «...эти положения в основном сводятся к тому, что люди от природы рациональны, озабочены, пре-

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. — С. 91.

² Хабермас Ю. Указ. соч. — С. 106–107.

³ Huntington S., Nelson J. M. No easy choice: Political participation in developing countries. Cambridge, 1976. — P. 51.

жде всего, текущими проблемами и стремятся к увеличению собственных материальных возможностей»¹.

Взаимоотношения политических институтов и участников политического процесса основываются на способности (неспособности) первых решать проблему коллективного действия. Задачей институтов становится создание условий, возможностей для рационального сотрудничества политических акторов, преодоления существующих разногласий и противостояния. Предлагаемая представителями теории рационального выбора модель институциональной стабильности, направлена на ограничение маневренности акторов на основе их заинтересованности в следовании установленным ограничениям. При этом, «выгоды», интересы участников политического процесса оцениваются в разрезе трех параметров: инструментального (решение конкретных проблем сообщества), образовательного (изменения ценностных ориентаций акторов посредством участия) и экспрессивного (самоидентификации акторов с определенным сообществом).

Целевая направленность процессов политического участия субъектов обуславливает использование разнообразных форм выражения общественного мнения. В политологических исследованиях общепринятой считается классификация форм политического участия исходя из их соответствия политико-правовой системе, сложившейся в государстве. Выделяют конвенциональные и неконвенциональные формы. Конвенциональные формы регламентированы действующим законодательством и могут быть отнесены к формальным инструментам влияния на политический процесс: участие в голосовании, митингах, собраниях, обращения в органы публичной власти, активность в процессе подготовки и проведения избирательной кампании, убеждение окружающих в необходимости проявлять политическую активность, чтение периодических изданий, абсентеизм. Не кон-

венциональные формы отличаются более высокой активностью граждан, направленной не столько на решение мировоззренческих или оценочных задач, а на целевое достижение поставленных целей, зачастую не правовыми средствами. К неконвенциональным формам относят: участие в стихийных забастовках, бойкотах, демонстрациях, захвате зданий, блокирование дорожного движения, подписание петиций. Перечисленные проявления политической активности не являются универсальными, поскольку могут иметь более разнообразные формы, сочетающие как конвенциональные, так и неконвенциональные инструменты для достижения политических целей. Так, весьма распространенная ситуация с передачей полномочий по управлению многоквартирным домом от одной управляющей кампании к другой зачастую вынуждает граждан временно отказаться от оплаты жилищно-коммунальных услуг в связи с фактическим их не предоставлением². Оценивать ее в качестве формы неконвенционального протеста невозможно, с другой стороны, зачастую итогом не разрешения данной проблемной ситуации становится стихийная организация собраний, демонстраций и иных форм социальной активности граждан.

Процесс консолидации территориального сообщества для решения вопросов совместной жизнедеятельности отличается стихийно-рациональным характером, использованием зачастую неконвенциональных форм политического участия, а также своеобразием акторов, принимающих в нем участие. Указанное своеобразие вполне укладывается в содержание теории новых социальных движений предложенную А. Туреном: «... существенная особенность новых социальных движений состоит не в том, что они вовлечены в экспрессивные действия или утверждают свои идентичности, в том, что они предполагают участие в них таких акторов, которые осознали и свою способность формировать

¹ Алмонд Г. А. Политическая наука: история дисциплины / Политическая наука: новые направления. Под редакцией Р. Гудина и Х. — Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е. Б. Шестопал. Вече. М., 1999. — С. 103.

² В качестве примера можно обратиться к материалам Прокуратуры г. Мурманска, которая в июне 2010 г. вынуждена была начать проверку по факту незаконного поступления квитанций от двух управляющих кампаний: <http://www.murmansk1.ru>.

идентичность, и властные отношения, вовлекаемые в социальное строительство этой идентичности. ... нынешние коллективные акторы видят, что формирование идентичности связано с социальными конфликтами вокруг новой интерпретации форм, формированием новых смыслов и с сомнениями относительно оправданности социального строительства границ между публичными, частными и политическими сферами действия»¹. Внутренняя потребность акторов в необходимости отстаивания собственных интересов порождает по А. Турену сети местных ассоциаций или низовых групп, в которых отсутствует жесткая система распределения социальных ролей (т.е. формальная идентичность коллективных акторов)². На данной стадии развития социального движения местное сообщество реализует собственный самоорганизационный потенциал, сознательно (или бессознательно) отказываясь от институциональных форм организации.

Оценивая формы политической активности местного сообщества, мы приходим к закономерному выводу о необходимости отказаться от устоявшейся в политической науке классификации, и следовать типологии В. Н. Лазарева, представленной выше. Любые формы социальной активности населения (особенно местного сообщества), влекущие за собой политические решения могут быть оценены и в качестве форм политической активности³. Поэтому их оценка должна проводиться с учетом их социальной природы и форм взаимодействия с органами публичной власти.

Состояние современного российского общества свидетельствует о сохранении

пассивно-выжидательной стратегии в отношении проводимых административных преобразований, в том числе, и на уровне местного самоуправления. Местные сообщества становятся носителями преимущественно традиционалистских установок, обусловленных разрушением соседских взаимоотношений социальных групп, и отсутствием развитых гражданско-ассоциативных сообществ. По справедливому замечанию В. А. Корнилович: «В результате проведения административной реформы местные сообщества в провинциальных городах России так и не стали активными участниками социальных отношений, связанных с процессом самоорганизации населения и участия граждан в планировании социально-экономического развития территории, реформы ЖКХ и т.д.»⁴.

Ключевой причиной возникшей ситуации в местном сообществе становится использование государством традиционного подхода к оценке состояния и направлений развития гражданской активности населения, в русле нового публичного менеджмента. Механизмы межсекторного партнерства, использованные органами власти, предполагают развитие институциональных форм взаимодействия между основными политическими акторами — молодежные парламенты, система социального заказа, публичные слушания, общественные советы и палаты, институты по правам человека, благотворительные организации (в том числе и Фонды местного сообщества), гранты и субсидии на развитие НКО и малого предпринимательства и др. При этом, нарушается система координации государственных и общественных интересов, публичный интерес приобретает исключительно черты государственного, ликвидируются условия для достижения консенсуса между всеми участниками политического процесса. Возникают механизмы подмены самоорганизационных процессов, происходящих внутри гражданского общества, организационными управленческими процессами, находящимися под непосредственным контролем со стороны

¹ Touraine A. The voice and the eye. England: Cambridge university press, 1981. — P. 31–31.

² См. подр.: Джин Л., Кон Э. А. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. / Общ. ред. И. И. Мюрберг, М.: Изд-во «Весь мир», 2003. — С. 700.

³ Так, общественное противостояние в связи с вырубкой Химкинского леса для строительства трассы федерального значения 2010 г., вызвало целую череду политических решений, публичных слушаний и дискуссий в ключевых политических институтах, общественных организациях и т.д. // www.vremya.ru/2010/133/51/259062.html

⁴ Корнилович В. А. Территориальное общественное самоуправление // Социология власти. — 2007. — № 2. — С. 105.

государства. И все попытки обосновать необходимость реализации «государственного» сценария развития гражданского общества в России, опасностью конфронтации между ключевыми социальными группами и государством, оказываются средством создания приемлемой (удобной) для властных институтов модели «идеального» состояния гражданского общества посредством демократизации политической системы и либерализации политического процесса.

Несомненно, состояние российского гражданского общества становится наиболее очевидным аргументом в пользу развития данного сценария. Особенно отчетливо это проявляется на уровне локального местного сообщества, которое находится в процессе своего становления. Наиболее значимыми особенностями его жизнедеятельности становятся: 1) пространственная замкнутость территории муниципального образования (особенно на уровне сельских поселений), порождающая узость мировоззренческих позиций и оценок; 2) социально-экономическая отсталость отдельных (особенно сельских) территорий; 3) иммобильность населения городских и сельских поселений, сосредоточенность на единственном месте обитания и его проблемах; 4) низкий уровень доступа к информации; 5) неподконтрольность местной власти населению; 6) неустойчивость социальных групп местного сообщества, порождающая неустойчивость общественных интересов¹.

Местные сообщества находятся на переходной точке бифуркации — выбора вариантов последующего развития, форм и методов консолидации, регулирования отношений с государственным механизмом. Позиции локальных сообществ в условиях российской государственности оказываются в непосредственной зависимости от внутриорганизационных процессов, происходящих внутри сообщества, сложившихся принципов координации общественных интересов и потребностей с общегосударственными и частными.

¹ Подр. см.: Халий И. Местные сообщества в России — носители инноваций и традиционализма // Власть. — 2008. — № 5. — С. 19–26.

Реализация коммуникативно-синергичной модели самоуправления направлена на формирование общественного диалога как внутри местного сообщества, так и в отношениях с другими политическими акторами — бизнес-сообществом, органами публичной власти, общественными объединениями. Формирование общественного диалога предполагает изменение соотношения позиций общественного мнения и позиций органов публичной власти в процессе принятия политических решений. По мнению Д. Мэтьюза и Н. Макафи, «...общественность должна участвовать в политике на всех ступенях ее развития, энергия местных общин совершенно необходима для того, чтобы реформы продолжались. Суть не в том, что общность самодостаточна и может существовать без формальных инструментов (правительств), а, скорее, в том, что общность образует движущую силу. Прежде всего, общность незаменима в определении целей, но даже после того, как выбор сделан, у общности остается немало работы по его реализации»². В процессе формирования целостного общественного мнения одно из ключевых мест призвана занимать местная администрация, для которой местное сообщество должно ассоциироваться не столько с совокупностью жителей, уплачивающих налоги в бюджет, избирателей или потребителей, а с «хорошо информированными, обладающими правами гражданами», способными ради достижения собственных целей на «информационную атаку», так называемый «суд общественного мнения»³. Эффективное осуществление полномочий органов местного самоуправления обусловлено, в первую очередь, наличием двусторонней интерактивной коммуникации с местным сообществом, участвующим в процедурах планирования и принятия решений в целях повышения уровня и качества жизни населения. Только при этих условиях становится возможным разви-

² Мэтьюз Д., Макафи Н. Политика местной общины: Пер. с англ. — М.: «Сыновья дочери», 1993. — С. 40.

³ Вилер К. Без эффективной коммуникации нет эффективного управления. Отличительный облик и имидж местной администрации / Пер. с англ. Обнинск: Институт муниципального управления, 2002. — С. 8–9.

тие у граждан духа сообщества, целостного общественного мнения.

Для достижения поставленной задачи необходимо изменение корпоративной культуры местной администрации, которая должна быть включена в сеть профессиональной локальной политической коммуникации (С. Лэнг). Эту роль должны выполнить профессиональные управленческие кадры, исполняющие свои служебные обязанности на основании контракта, и независимые от партий, социальных групп и корпоративных интересов. При этом С. Лэнг справедливо замечает, что именно на уровне локального сообщества сохраняется уникальная возможность развития принципов демократии участия в противовес узкокорпоративным интересам крупного капитала: «На рубеже столетий — локальное остается прибежищем реальности в противовес виртуальности, конкретное в противовес абстракции и гражданское участие в противовес гегемонии интересов глобального капитала»¹.

Политическая активность местного сообщества становится фактором становления и развития самоорганизационного потенциала локальной территории, расширения форм и механизмов координационного взаимодействия всех участников политического процесса. Выступая ключевым субъектом управления,

местное сообщество выражает общественные и муниципальные интересы и потребности, транслируя их посредством коммуникативных каналов на органы публичной власти, общественные организации и бизнес-сообщество. Только при условии кардинальной переоценки сложившейся системы нового публичного менеджмента и ее замены принципами сетевого и синергичного политического управления, возможно, преодолеть внутреннюю раздробленность местного сообщества, обеспечить создание целостной муниципальной политической культуры, основанной на общности мировоззренческих стереотипов и идентичностей. Таким образом, задачей современной муниципальной политики должно стать становление местного сообщества «как субъекта территориального развития, осознающего свои интересы, умеющего их защищать и участвующего в согласовании программ и планов территориального развития на правах равноправного партнера во взаимодействии с другими субъектами территориального развития»². Выступая основой формирования и развития в России гражданского общества местное сообщество нуждается в определенных инвестиционных ресурсах как финансовых, так и особенно интеллектуальных, со стороны властных структур, бизнеса, общественных организаций и общества в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. — 1992. — № 4.
2. Алмонд Г. А. Политическая наука: история дисциплины / Политическая наука: новые направления. Под редакцией Р. Гудина и Х. — Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания Е. Б. Шестопаля. Вече. М., 1999.
3. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М.: Аспект-Пресс, 2002.
4. Борисов В. А. Муниципальная корпоративная культура / Связи с общественностью в муниципальной политике: Сб. ст. / под ред. В. Е. Гончарова // [http: dvo.sut.ru/libr/soirl/I204gonc/index.htm](http://dvo.sut.ru/libr/soirl/I204gonc/index.htm)
5. Вебер М. Город / Вебер М. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994.
6. Вилер К. Без эффективной коммуникации нет эффективного управления. Отличительный облик и имидж местной администрации / Пер. с англ. Обнинск: Институт муниципального управления, 2002.

¹ Lang S. NGOs, local governance and political communication processes in Germany // Political communication. — 2000. — Vol. 17. — P. 384.

² Лапин В. А., Челпан П. И. Самоокупаемая реформа? (на пути к устойчивому развитию) // Политика. — 2003–2004. — № 4. — С. 92.

7. Давыдов Ю. Н. Эволюция социальной философии Франкфуртской школы // Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978.
8. Джин Л., Коэн Э. А. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. / Общ. ред. И. И. Мюрберг. — М.: Изд-во «Весь мир», 2003.
9. Ефимова Н. М. Политическая культура: Учебное пособие / Н. М. Ефимова. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009.
10. Зевина О. Г., Макаренко Б. И. Об особенностях политической культуры современной России // <http://www.politsportal.ru>
11. Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология: Учебник. М.: Юрист, 2002.
12. Корнилович В. А. Территориальное общественное самоуправление // Социология власти. — 2007. — № 2.
13. Коултер Д. Культурные различия и управление // Проблемы теории и практики управления. — 1997. — № 3.
14. Лазарев В. Н. Социальная самоорганизация в условиях местного самоуправления. Белгород: Центр социальных технологий, 1996. 298 с.
15. Лапин В. А., Челпан П. И. Самоокупаемая реформа? (на пути к устойчивому развитию) // Политика. — 2003–2004. — № 4.
16. Муниципальная наука: теория, методология, практика / под общ. ред. В. Н. Иванова. — М.: Муниципальный мир», 2003.
17. Мэтьюз Д., Макафи Н. Политика местной общины: Пер. с англ. — М.: «Сыновья дочери», 1993.
18. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Издательский дом «Инфра-М», 2001.
19. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития // <http://www.insor-russia.ru>
20. Рябев В. В. Гражданское общество и политическая культура современной России (политико-социологический анализ): Автореф. д.социол.н. СПб., 2005.
21. Савельев А. И. Местное самоуправление как субъект политического пространства // Регионоведение. — 2009 — № 2. // <http://regoinar.ru>
22. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
23. Халий И. Местные сообщества в России — носители инноваций и традиционализма // Власть. — 2008. — № 5. — С. 19–26.
24. Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five countries. Princeton, 1963.
25. Heunks F., Hiksloops F. Political culture 1960–1990 / Values in Western societies / Ed. De Moor R. Tiburg, 1995.
26. Huntington S., Nelson J. M. No easy choice: Political participation in developing countries. Cambridge, 1976.
27. Lang S. NGOs, local governance and political communication processes in Germany // Political communication. — 2000. — Vol. 17.
28. McLeod J., Daily K. Community integration, local media use, and democratic processes // Communication research. — 1996. — Vol. 23. — Issue 2. — P. 179–210.
29. Patrick G. Political culture / Social science concepts: a systematic analysis / Ed. G. Sartori. N.Y.: Beverly Hills, 1984.
30. Pye L. Political culture / International encyclopedia of social sciences. N.Y. 1961. vol. 12. — P. 210–220.
31. Rosenbaum W. A. Political culture: Basic concepts in political science. N.Y., 1975.
32. www.politcenter.ru
33. www.fom.ru

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Almond G. A., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokratii // Polis.— 1992.— № 4.
2. Almond G. A. Politicheskaya nauka: istoriya distsipliny / Politicheskaya nauka: novye napravleniya. Pod redaktsiei R. Gudina i Kh.— D. Klingemanna. Nauchnyi redaktor russkogo izdaniya E. B. Shestopal. Veche. M., 1999.
3. Almond G., Pauell Dzh., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoi obzor: Uchebnoe posobie / Pod red. M. V. Il'ina, A. Yu. Mel'vilya. M.: Aspekt-Press, 2002.
4. Borisov V. A. Munitsipal'naya korporativnaya kul'tura / Svyazi s obshchestvennost'yu v munitsipal'noi politike: Sb. st. / pod red. V. E. Goncharova // <http://dvo.sut.ru/libr/soirl/I204gonc/index.htm>
5. Veber M. Gorod / Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva.— M.: Yurist, 1994.
6. Viler K. Bez effektivnoi kommunikatsii net effektivnogo upravleniya. Otlichitel'nyi oblik i imidzh mestnoi administratsii / Per. s angl. Obninsk: Institut munitsipal'nogo upravleniya, 2002.
7. Davydov Yu. N. Evolyutsiya sotsial'noi filosofii Frankfurtskoi shkoly // Noveishie techeniya i problemy filosofii v FRG. M., 1978.
8. Dzhin L., Koen E. A. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya. Per. s angl. / Obshch. red. I. I. Myurberg.— M.: Izd-vo 'Ves' mir', 2003.
9. Efimova N. M. Politicheskaya kul'tura: Uchebnoe posobie / N. M. Efimova.— Kirov: Izd-vo VyatGGU, 2009.
10. Zevina O. G., Makarenko B. I. Ob osobennostyakh politicheskoi kul'tury sovremennoi Rossii // <http://www.politsportal.ru>
11. Irkhin Yu. V., Zotov V. D., Zotova L. V. Politologiya: Uchebnik. M.: Yurist, 2002.
12. Kornilovich V. A. Territorial'noe obshchestvennoe samoupravlenie // Sotsiologiya vlasti.— 2007.— № 2.
13. Koulter D. Kul'turnye razlichiya i upravlenie // Problemy teorii i praktiki upravleniya.— 1997.— № 3.
14. Lazarev V. N. Sotsial'naya samoorganizatsiya v usloviyakh mestnogo samoupravleniya. Belgorod: Tsentr sotsial'nykh tekhnologii, 1996. 298 s.
15. Lapin V. A., Chelpan P. I. Samoookupaemaya reforma? (na puti k ustoichivomu razvitiyu) // Politiya.— 2003–2004.— № 4.
16. Munitsipal'naya nauka: teoriya, metodologiya, praktika / pod obshch. red. V. N. Ivanova.— M.: Munitsipal'nyi mir', 2003.
17. Met'yuz D., Makafi N. Politika mestnoi obshchiny: Per. s angl.— M.: 'Synov'ya docheri', 1993.
18. Politicheskii protsess: osnovnye aspekty i sposoby analiza / Pod red. E. Yu. Meleshkinoi. M.: Izdatel'skii dom 'Infra-M', 2001.
19. Rossiiskoe mestnoe samoupravlenie: itogi munitsipal'noi reformy 2003–2008 gg. Analiticheskii doklad Instituta sovremennogo razvitiya // <http://www.insor-russia.ru>
20. Ryabev V. V. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya kul'tura sovremennoi Rossii (politiko-sotsiologicheskii analiz): Avtoref. d. sotsiol. n. SPb., 2005.
21. Savel'ev A. I. Mestnoe samoupravlenie kak sub'ekt politicheskogo prostranstva // Regionologiya.— 2009 — № 2. // <http://regoinsar.ru>
22. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie. SPb.: Nauka, 2001.
23. Khalii I. Mestnye soobshchestva v Rossii — nositeli innovatsii i traditsionalizma // Vlast'.— 2008.— № 5.— S. 19–26.
24. Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five countries. Princeton, 1963.
25. Heunks F., Hiksloops F. Political culture 1960–1990 / Values in Western societies / Ed. De Moor R. Tiburg, 1995.
26. Huntington S., Nelson J. M. No easy choice: Political participation in developing countries. Cambridge, 1976.

27. Lang S. NGOs, local governance and political communication processes in Germany // Political communication. — 2000. — Vol. 17.
28. McLeod J., Daily K. Community integration, local media use, and democratic processes // Communication research. — 1996. — Vol. 23. — Issue 2. — P. 179–210.
29. Patrick G. Political culture / Social science concepts: a systematic analysis / Ed. G. Sartori. N.Y.: Beverly Hills, 1984.
30. Pye L. Political culture / International encyclopedia of social sciences. N.Y. 1961. vol. 12. — P. 210–220.
31. Rosenbaum W. A. Political culture: Basic concepts in political science. N.Y., 1975.
32. www.politcenter.ru
33. www.fom.ru